

В. ВЕЙДЛЕ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Неоцененный при жизни, он не знаменит и после смерти. А между тем он – гордость России и слава Европы.

Юрий Колкер

В. Вейдле – известный писатель и исследователь русской литературы и культуры первой русской эмиграции. Его ценили не только в Европе, но и в России, хотя у нас большинство его статей стало известно только после его смерти. Его работы отличает глубокое понимание духовных основ русской культуры, особое видение поэзии и острые суждения об обществе. Основная цель данной работы – осветить основные положения исследований Вейдле русской культуры.

В русской истории и культуре за тысячелетнее существование не раз происходили коренные изменения. Наша культура для Вейдле видится разделенной на три эпохи. Отправной точкой служит эпоха Петра I – время, когда «петербургская Россия завершила единство Европы, подвела итог развитию христианской цивилизации из одного “южного” корня»¹. Далее история делится на время до Петра и после: Русь киевская православная и Россия советская.

Принцип развития культуры Вейдле сформулировал так: существует народ, он консолидируется, создает государство, творит и наращивает культурное наследие, потом наступает переломный момент и происходит коренное изменение парадигм. Это изменение может идти двумя путями: либо приходит радикальная смена, которая отвергает наследие прошлого, либо реформенная, которая должна перенести и принять то, что составляет характерные черты культуры. Наиболее благоприятен, по мнению Вейдле, мягкий реформенный переход, основной принцип которого – преемственность. Вейдле считает, что в нашей истории каждая новая культурная парадигма не принимала основы прошлой культуры, а отказывалась от наследства, сохраняя лишь территориальное единство. Главной причиной такого положения является, согласно Вейдле, внутренняя разобщенность русского народа, а также разобщенность

¹ Толмачев В.М. Петербургская эстетика // Вейдле В. Умирание искусства. – М., 2001. С. 419.

народа с властью. «Основная трудность, с которой так и не справились ни киевская, ни московская, ни петербургская Россия, как раз и заключается в этой разобщенности народа и культуры, народа и государства, лишающей культурную традицию настоящей прочности и препятствующей лечить произошедший однажды с ней разрыв»¹.

Каковы же причины этого разрыва? Их несколько. Причины, обуславливающие разрыв народа и государства, Вейдле объясняет так. С одной стороны, это сложившийся менталитет свободного человека, человека равнины: «отсюда и русское, столь отличное от западного понимание свободы не как права строить свое и утверждать себя, а как права уйти, ничего не утверждая и ничего не строя»². С другой стороны, проблема государственная – невозможность контролировать дальние регионы; эта проблема актуальна и сегодня, а из этого следует, что существует разрыв между центром и периферией.

О разрыве между народом и культурной традицией скажем чуть подробнее. Вейдле разделяет культуру на горизонтальную и вертикальную. Он говорит, что горизонтальная, то есть народная культура шире распространена и менее изменчива во времени, но она по эстетической ценности стоит ниже, чем культура вертикальная, светская. Лубок не сравним с рублевской иконой, былина об Илье Муромце – не божественная комедия, говорит Вейдле. Все же это разные вещи. То, что отражает горизонтальная культура, – это дух народа, его жизнь, его ритм, его сакральное, выраженное и в песнях, и в предметах быта, ремесла. Вертикальная культура – это порождение просвещения в большей мере, это продукт элитарный, отражающий лишь особую, наиболее развитую часть культуры.

Тогда закономерно возникает вопрос, как возможно сосуществование горизонтальной и вертикальной культур. Горизонтальная направлена на сохранение традиций, она развивается, меняется медленно и неохотно. Вертикальная культура – светская, государственная, культура прогресса, науки. Эти культуры, пожалуй, более противостоят друг другу, чем стремятся к единению. Конечно, замечает Вейдле, горизонтальная культура не заменит вертикальной: иначе мы бы просто так еще и жили в средневековье в лучшем случае... Но необходимо найти золотую середину: при господстве вертикальной культуры сохранять горизонтальную, чтобы сберечь своеобразие своего народа...

¹ Вейдле В. Три России // Вейдле В. Умирание искусства. – С. 132.

² Там же. С. 133.

Вейдле склонен понимать под «культурой» именно результаты творчества культуры вертикальной. Ее творит четко обозначенный слой, который состоит из людей образованных, талантливых, имеющих определенный достаток и положение в обществе. Вейдле считает, что характерная черта России – это слабость иерархического принципа, невыделенность культурного слоя, его малочисленность, в связи с чем происходит разрыв между народом и узкой группой культурной элиты, и происходит он в большей степени из-за «безучастия, с каким народ смотрел на свою историю и на культурное творчество верхов, народ, тяготеющий не к исторической, а скорее к фольклорной жизни»¹.

Но вернемся к вопросу о преемственности в культуре. Хочется сразу отметить, что Вейдле в рассуждениях о преемственности в культуре в некотором роде близок к положениям М. К. Петрова о трансляции в культуре (поэтому для ясности позволю употребить здесь некоторые термины из работ известного культуролога).

Что такое преемственность? Преемственность – непреложный закон истории, самого человеческого бытия. Преподавание есть основа передачи и преемственности. Преемственность – это именно трансляция знания. Вейдле также полагает, что при смене культурных парадигм происходит фрагментация культурного прошлого, то есть выделение в нем основного культурного стержня и тех важных традиций и достижений, которые будут либо приняты, либо забыты. С другой стороны, мы наблюдаем трансмутацию в культуре, т. к. «преемственность не являет собой нечто чего-то сплошного, однородного; она состоит из множества не без труда уживающихся между собой традиций или преданий; и не исключает она между собой обновлений и перемен, а, напротив, требует их, ими живет. Она предполагает усвоение новыми поколениями того, что ему передается, а значит и обновление, хотя бы частичное, переданного»².

Вопрос о национальных компонентах культуры Вейдле решает так: существует сфера интеллектуального, общая для всего человечества и не обладающая специфическими национальными чертами (мы же не можем говорить о французской математике или мексиканской физике), и своеобразная гуманитарная сфера, где применительно к России речь должна идти о «самом русском в России, о языке, литературе, искусстве

¹ Там же. С. 134.

² Вейдле В. Наследие России // Вейдле В. Умирание искусства. – С. 295.

и не столько даже о них самих, сколько о мысли, которая их питала»¹. Поэтому в научной сфере преемственность осуществляется гораздо легче и происходит она в рамках не только одной культуры, в то время как именно характерно-национальные черты подвергаются более сложному процессу изменений и восприятия.

Что же происходит, когда прерывается преемственность? Вейдле считает, что полного культурного разрыва в истории Европы не наблюдалось, и самым масштабным событием, пожалуй, было разделение на западное средневековье и византийско-славянский мир. Касательно русской культуры, можно говорить о двух разрывах преемственности: периоде петровской России и времени страны Советов. Какими же способами сохраняется наследие и как затрудняется преемственность? Вейдле выделяет три способа: книги, картины и др., свобода выбора и свобода усвоения².

При разрыве преемственности перекрываются один или же все пути. Попробуем пояснить эти положения с разных сторон, хотя Вейдле интерпретирует их только применительно к закрытой идеологии тоталитарного режима, и попробуем взглянуть на ситуацию свободомыслия.

Поясним первое положение – сохранность историко-культурного материала. Вейдле приводит пример, когда по идеологическим соображениям некоторые писатели, художники и музыканты были под запретом, их работы либо не издавались вообще, либо были уничтожены или проданы за границу. Уничтожались также храмы и монастыри. Но если раньше они уничтожались открыто, то сегодня они просто никому не нужны и сами тихо разрушаются, несмотря на то что смотреть на них теперь никто не запрещает. Поэтому тотальный запрет может быть сменен на всеобщую доступность, ведущую к безразличию, а итог один – нет усвоения культурного материала. С другой стороны, что будет, если мы все станем сохранять, консервировать и реставрировать? Есть ли в этом какой-нибудь смысл и будут ли от этого результаты? Прежде всего, сегодня это никому не нужно. А не нужно именно потому, что данные артефакты более не вписываются в социокультурную реальность. И если она не изменится, то прах к праху – пепел к пеплу.

Второй момент – доступность наследия. Вейдле описывает ситуацию, когда невозможно было достать произведения та-

¹ Там же. С. 294.

² См.: Там же. С. 296.

лантливых авторов – М. А. Булгакова, М. О. Гершензона, В. И. Иванова и т. д. Были лишь работы идеологически безопасные. В наши дни ситуация такова, что признанная классика, столь необходимая и востребованная лет 30 назад, сегодня, хотя отчасти переиздается, почти не читается, а если и читается, то как беллетристика – в троллейбусе.

Третий способ лишения наследства – путь фальсификации, но заключается он не в пропусках, а именно в пояснениях. С одной стороны, можно истолковать превратно мысли автора так, что они примут кардинально противоположное значение, но соответствующее идеологическим требованиям. С другой стороны, можно назвать классиками и «лучшими людьми народа» тех, кто по сути своей ими не является, но которых выдают за таковых: «Казалось бы, изъятие из обихода стольких досюветских авторов должно было бы наше литературное наследство сильно обеднить. Так оно и есть; но в отношении качества, отнюдь не количества. «Классиков у нас теперь куда больше, чем прежде, – причем я имею в виду не тех, что от марксизма (их стало меньше на один номер), а всевозможных «направленцев», писавших хоть и кое-как, но по-русски и причисляемых к революционным демократам (или демократическим революционерам). Очень серые сочинения образуют почтенного вида многотомные собрания сочинений»¹.

В своих сочинениях Вейдле всегда критиковал советскую культуру, в особенности перемены, произошедшие в рамках советской идеологии. Но, возможно, в таком подходе кроется недостаток – односторонний взгляд на проблему. Относительно предмета нападков Вейдле можно сказать, что жесткий тоталитарный режим – это посыл к пробуждению народа. Народ получает ту власть, которую заслуживает. Если он оказывается в пассивном состоянии, то предприимчивый властелин может скрутить страну в бараний рог. Если тоталитаризм встречает сопротивление, то это говорит о жизнеспособности народа: как организм борется с инфекцией, так и люди восстают против угнетателей, если этому народу суждено жить, если есть еще в нем силы.

Как бы то ни было, часть наследства, подвергаясь расчленению и предельной выборке значимого материала, утрачивается, а выбор порой бывает подчинен практическим целям прогресса. «Повсюду в мире... воцаряется все решительнее с каждым годом та научно-техническая цивилизация, которая хоть и выросла из прежней европейской цивилизации-культуры, но

¹ Там же. С. 299.

все ясней отделяется и отрекается от нее, преемственной связи с ней не отрицая, но истолковывая эту связь по образцу науки и техники»¹. И выходит, что в современном мире мы делаем упор скорее на науку, прогресс и практическую полезность, нежели на культуротворчество, «но жить этой технико-научной мыслью не может человек, не превратившись в электронную машину»². И даже не в электронную машину, а в животное, реагирующее на импульсы. Сегодня машины, на первый взгляд, могут удовлетворить почти все наши потребности, сэкономить время. Но за гранью остаются те потребности и чувства, которые непременно делают человека человеком, отличают его от автомата (я имею в виду дружбу, любовь, переживание прекрасного и нравственного). Будет большой ошибкой перенимать только материальную базу, возлагать на нее все надежды: нужно отчетливо осознавать, что представляет собой культура как сфера духовного. Поэтому здесь следует сказать и о характерной черте нашей культуры – гуманности.

Вейдле не зря затрагивает эту тему. Оглядываясь на наше прошлое, он замечает, как изменилось употребление таких слов, как сострадание, милосердие, человеколюбие. Он говорит, что раньше люди знали значение этих слов. «Высокие слова почти все рано или поздно снижаются и ослабевают»³, – пишет Вейдле. Но что скрывается за этим? Выходит, что, забывая смысл слов, мы теряем духовную наполненность не только языка, но и культуры: так, сегодня никто не задумывается над тем, «что просим прощения и бормочем “спасибо” без всякой мысли о Боге или спасении»⁴. Уходят такие важные понятия, нивелируются, и, возможно, не задумываясь о них более, люди и становятся более жестокими и безнравственными.

Именно эти и другие схожие понятия (в большинстве своем именно греческого происхождения) отражают духовную насыщенность и отличительную черту русской культуры. Такие слова, как благочестие, благообразие, сострадание, человеколюбие, не всегда могут быть переведены даже на другой язык и обладают, возможно, одним нам понятным глубоким смыслом. Вейдле жалеет, что в погоне за пользой, вооружившись расходом и «безумием самомнения», мы находимся под угрозой потерять это духовное единство, добро и красоту. Благообразие – это «не что иное, как нераздельное слияние добра и красоты, оттого и проступающее наружу, что красота, в последней своей

¹ Там же. С. 300.

² Там же.

³ Там же. С. 305.

⁴ Там же.

сути, ничем другим и не может быть, как излучением добра»¹. Это и есть пример неразрывности двух величин, двух понятий, которые, пропитывая всю культуру, показывают пример сосуществования друг с другом. «В этой неразрывности, в этом отклике от разрыва и состоит та основа духовной жизни, из которой выросло все то в нашем прошлом, о чем всего крепче мы, как и другие, чувствуем, что оно – наше»².

¹ Там же. С. 306.

² Там же.